
Глава 11

САМОУБИЙСТВО ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ

В то время как в Петрограде большевики и левые эсеры, закрыв глаза на свои разногласия, совместно работали для сохранения Советской власти в городе, расхождение между коммунистами и левыми эсерами в центральном правительстве в Москве стремительно нарастало. Их «медовый месяц» оказался внезапно прерван во второй половине марта, после ратификации Брестского мирного договора Четвертым съездом Советов и выхода левых эсеров из Совнаркома. В апреле–июне отношения между национальным руководством партии левых эсеров и ленинским Совнаркомом становились все хуже по причине постоянных уступок последнего немцам, а также многих внутриполитических шагов большевистского правительства. Такие меры, как введение продовольственной диктатуры; использование рабочих пролетариев и комитетов деревенской бедноты для насилиственного изъятия хлеба у крестьянства; опора на буржуазных специалистов в управлении промышленностью и техническом руководстве вооруженными силами; восстановление высшей меры наказания, символом которого стала казнь «Адмирала» Щастного, шли вразрез с принципами большинства левых эсеров. С их точки зрения, эти меры были несовместимы с революционной этикой, международным характером социальной революции, определениями класса и классовой борьбы и народно-демократическими принципами, лежащими в основе Советской власти.

С другой стороны, в глазах Ленина и большевистского правительства, все более активные выпады левых эсеров против их политики, наряду с резко возросшей поддержкой левых эсеров в массах, особенно крестьянских (1), представляли угрозу и хрупкому миру с Германией, и весьма непрочной власти самих большевиков. Ответом Ленина стала острыя критика левых эсеров во ВЦИКе и во втором

открытом «Письме к питерским рабочим» (2). В результате, с началом лета левые эсеры и большевики вступили на путь неминуемого столкновения, что имело серьезные последствия для большевистско-левоэсеровского сотрудничества в Петрограде.

* * *

Документальным свидетельством ухудшения отношений между руководством двух партий с левоэсеровской точки зрения, пусть и фрагментарно, служат протоколы заседаний ЦК партии левых эсеров за май и начало июня (3). Борьба также развернулась на страницах газет «Знамя труда» и «Правда» и, как мы уже знаем, на пленарных заседаниях ВЦИКа. Растущий антагонизм между большевиками и левыми эсерами, вызванный политикой правительства по отношению к крестьянству и хлебозаготовкам, особенно неблагоприятно сказывался на оплоте левых эсеров — Крестьянском отделе ВЦИКа, возглавляемом легендарной Марией Спиридоновой.

Крестьянский отдел, созданный в январе 1918 г. как самостоятельная структура ВЦИКа, имел свой собственный исполнительный комитет и партийные фракции, издавал собственную общероссийскую ежедневную газету — «Голос трудового крестьянства». Можно с полным правом сказать, что в первые месяцы 1918 г. это был главный в Советской России руководящий орган, занятый подготовкой крестьян к земельной реформе, мобилизацией их в поддержку Советской власти, организацией Советов в отдаленных районах, а также определением, формулированием и защитой крестьянских интересов. Немаловажной задачей Крестьянского отдела, как поясняла Спиридонова, было также «связать в единое целое пролетариат и крестьянство... связать город и деревню» под единым советским знаменем (4).

С января по апрель Крестьянский отдел выдвинул множество инициатив, нацеленных на закладывание фундамента земельной реформы и, в более широком смысле, на создание опоры Советской власти в сельской России. Он организовывал программы интенсивной подготовки сельских агитаторов по вопросам, связанным с осуществлением левоэсеровской аграрной реформы, и создавал курсы

дополнительного агрономического и социального образования для сельских учителей (в обоих случаях действовало правило набора слушателей из тех районов, где им предстояло работать). Он подготовил горы литературы по аграрным, социальным и политическим вопросам для распространения среди крестьян (5). Отдел вел оживленную переписку с сельскими Советами, крестьянскими кооперативами и отдельными крестьянами, а также, с помощью грамотно составленных опросных листов, занимался систематическим сбором информации, касающейся политических, экономических и социальных аспектов крестьянской жизни (6). В результате ему удалось собрать богатую базу данных о российской деревне. Благодаря мифу, окружавшему фигуру Спиридоновой в глазах крестьян, Крестьянский отдел превратился в национальный центр, куда крестьяне всей России обращались за помощью и советом.

В докладе о деятельности Крестьянского отдела на Втором съезде партии левых эсеров 17 апреля 1918 г. Спиридонова подчеркнула, что благосклонность большевиков по отношению к нему закончилась в середине марта, после выхода левых эсеров из состава Совнаркома. С этого момента, по словам Спиридоновой, между большевистским руководством ВЦИКа и левоэсеровским руководством Крестьянского отдела шла непрерывная борьба вокруг «сепаратизма» последнего. ВЦИК перестал выделять средства на запланированные отделом расходы. В итоге, Крестьянский отдел оказался близок к ситуации, когда он больше не мог продолжать свою работу (7).

Справедливости ради следует сказать, что, с точки зрения большевиков, обвинения Крестьянского отдела в «сепаратизме» выглядели обоснованными. После того как ВЦИК проголосовал за принятие германских условий мирного договора, отдел оказался втянутым в левоэсеровскую деятельность, направленную на срыв Брестского мира. На Втором съезде партии левых эсеров это признала и сама Спиридонова, когда сообщила, что большое количество агитаторов отдела уже направлено в районы, граничащие с германским фронтом (8). Понятно, что в их задачу входили не только сбор данных и распространение социализма, сколько организация сопротивления германским оккупационным войскам. Подтверждением этого может служить телеграмма, датированная концом июня, в которой большевистский представитель выражает протест против дезорганизатор-

ской деятельности агитаторов Крестьянского отдела в Псковском районе (9).

16 июня, после одобрения ВЦИКом декрета Совнаркома о комбетах, Карелин публично заявил, что левые эсеры сделают все возможное, чтобы воспрепятствовать его осуществлению. Если в январе—феврале печатные материалы, распространяемые Крестьянским отделом в деревне, включали левоэсеровские и большевистские тексты примерно в равной пропорции, то к концу весны, когда большевики и левые эсеры разошлись в крестьянской политике, ситуация изменилась. В начавшейся войне между городом и деревней левые эсеры из Крестьянского отдела, естественно, заняли сторону крестьян. Существуют также многочисленные свидетельства того, что в хлебопроизводящих районах левые эсеры из местных Советов намеренно препятствовали осуществлению продовольственной политики большевиков, особенно созданию комитетов бедноты, способствовавших изъятию хлеба у крестьян (10).

С начала июня, то есть момента, когда продотряды начали свои рейды в хлебопроизводящие губернии, благодаря тесным связям и особому статусу Крестьянского отдела в крестьянской среде, а также наработанным традициям сбора информации, он оказался завален данными и полными подробностей рассказами очевидцев о зверствах продотрядов в деревне. Большое количество подобных рассказов хранится в архиве нынешней Федеральной службы безопасности России — преемницы ВЧК — в фонде, отражающем деятельность Спирионовой в Крестьянском отделе (11). В открытом письме в адрес ЦК большевиков Спирионова обильно цитировала письма крестьян, свидетельствующие о жестокости действий продотрядов. Их авторы подробно описывали насилие, чинимое против голодных крестьян продотрядами и помогающими им комбетами, и возникшее в результате этого состояние войны в деревне. Как писал один из крестьян:

Мы не прятали хлеб, мы, как приказали, по декрету, себе оставили 9 пудов на год на человека. Прислали декрет — оставить себе 7 пудов, два пуда отдать. Отдали. Пришли большевики с отрядами. Разорили в конец. Поднялись мы. Плохо в Юхновском уезде, побиты артиллерией. Горят села. Сровняли дома с землей. Мы все отдавали, хотели по-хорошему. Знали, город голодный. Себя не жалели (12).

К середине июня протесты против грубых действий возглавляемых большевиками продотрядов из Петрограда достигли Петербургского комитета РКП(б). На заседании ПК 18 июня Егорова жаловалась, что отряды «плохо организуются, состав нежелательный, которых надо арестовать», и настаивала, что в будущем необходимо подходить к набору продотрядовцев очень избирательно. Возражать Егоровой или оспаривать ее рекомендации никто не стал; будучи одним из руководителей Выборгского районного комитета большевиков, она хорошо знала, о чем говорила. Было даже решено на основе ее соображений подготовить специальный доклад для ВЦИК в Москве (13). Сведений о дальнейшей судьбе данного доклада мне найти не удалось. Но 6 августа Совнарком под влиянием паники, вызванной началом интервенции стран Антанты, принял резолюцию, подтверждающую все предыдущие декреты о применении насилия против классовых врагов, включая крестьян, сопротивляющихся вооруженной хлебной разверстке (15).

Менее года спустя, на Восьмом съезде партии большевиков в марте 1919 г., выступавший с отчетом о деятельности ЦК за минувшие двенадцать месяцев Ленин признал, что в своем подходе к крестьянству большевики «погрешили чрезвычайно». «По неопытности советских работников, по трудности вопроса, — сказал он, — удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство» (16). Но отчего, резонно спросить, вопрос оказался таким трудным? И кто, как не Ленин, больше всех был виновен в этих «грехах»?

* * *

Постепенное удушение большевиками Крестьянского отдела привело к тому, что некоторые левозеровские члены отдела стали требовать созыва отдельного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Однако до поры до времени Спиридонова и ее коллеги из ЦК левых эсеров противились осуществлению этих требований, отдавая предпочтение агитации в пользу скорейшего созыва Всероссийского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов (17). Они надеялись, что им удастся объединить крестьян, подвергнуть внутреннюю и особенно внешнюю политику большевистского правительства критике с трибуны самого широкого народ-

ного форума и, таким образом, вызвать глубокие политические перемены. Лидеры большевиков, естественно, также были против созыва отдельного крестьянского съезда Советов, поскольку он разрушил бы ту *de facto* существующую консолидацию Советской власти под контролем большевиков, которая была достигнута в январе, и еще больше укрепил бы позиции левых эсеров. И хотя никто не мог гарантировать, что на легитимно избранном *рабоче-крестьянском* съезде Советов большевики будут иметь большинство, он был предпочтительнее, чем отдельный крестьянский съезд, контролируемый левыми эсерами. Ленин был вынужден уступить. 10 июня ВЦИК постановил созвать Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов в Москве 28 июня (18).

Конфликт в партии большевиков на национальном уровне между ленинистами и «левыми коммунистами» в мае—июне продолжал усугубляться. Это давало лидерам левых эсеров надежду, что в столкновении на съезде Советов по поводу совнаркомовской внешней политики «левые коммунисты» будут на их стороне. Однако к концу июня трещина в большевистском руководстве в значительной степени затянулась. Это подчеркнул Ленин в интервью шведской газете «Folkets dagblad politiken» 1 июля. «Оппозиция в партии большевиков против Брестского мира успокоилась, — заявил он в начале интервью. — Бухарин, Радек и другие снова участвуют в работе» (19). Это обстоятельство также помогает объяснить готовность большевиков пойти на риск созыва всероссийского съезда Советов. Ленину больше не нужно было опасаться альянса левых эсеров с «левыми коммунистами» на съезде или неизбежных требований со стороны «левых коммунистов» о созыве партийного съезда для предварительного разрешения спорных вопросов. Теперь левым эсерам противостояла внешне единая партия большевиков, решительно настроенная урезать независимую власть Крестьянского отдела и, в более широком смысле, нейтрализовать левых эсеров.

* * *

После назначения даты открытия Пятого Всероссийского съезда Советов на 28 июня и большевики, и левые эсеры сосредоточили внимание на завоевании большинства на нем. Оснований для опти-

мизма в этом вопросе у Ленина явно не было. Он понимал, что установленных избирательных норм, дающих значительное преимущество рабочим над крестьянами, может быть недостаточно, чтобы перевесить вероятное доминирование левых эсеров в сельских районах (20). По инициативе большевистского руководства, ВЦИК на заседании 14 июня исключил меньшевиков и эсеров из своего состава и призвал Советы по всей стране сделать то же самое. Едва ли можно сомневаться, что это неожиданное решение, официально объясненное тем, что меньшевики и эсеры стали частью контрреволюции, было продиктовано необходимостью устраниć двух конкурентов в борьбе за делегатские мандаты съезда (21).

Насколько мне известно, выборы делегатов на Пятый съезд Советов никогда не подвергались беспристрастному исследованию, а сегодня это, вероятно, и невозможно сделать. Предварительный расклад делегатов по партийной принадлежности, оглашенный на вступительном заседании съезда, выглядел следующим образом: большевики — 678; левые эсеры — 269. Остальные 88 мест распределились между [эсерами]-максималистами (около 30), социал-демократами интернационалистами (5–6) и беспартийными делегатами (около 48), составив, в общей сложности, 1035 делегатов с правом решающего голоса (22). Оценивая это неожиданное огромное преимущество большевиков, кто-то из левоэсеровских делегатов, скорее всего, член ЦК партии Александра Измайлович, позже писала, что «партия левых эсеров не учла всей способности партии большевиков творить чудеса». «Библия говорит нам о том, — продолжала она, — что Бог создал небо и землю из ничего... В двадцатом веке большевики то и дело творят не меньшее чудо: из ничего они создают... правомочные мандаты» (23).

На самом деле, существует значительный объем косвенных свидетельств в пользу того, что невероятное большевистское большинство на съезде было получено в результате фальсификации, и что численность законным образом избранных левоэсеровских делегатов примерно равнялось численности легитимных делегатов-большевиков. Резко возросшая накануне Пятого съезда поддержка левых эсеров в крестьянских Советах, как и итоги уездных и губернских съездов Советов, где происходили выборы делегатов на общероссийский съезд, давали лидерам левых эсеров, собравшимся в конце

июня в Москве на третий съезд своей партии, уверенность, что большинство на Всероссийском съезде Советов будет за ними (24). Предварительные списки прибывающих на съезд делегатов, публикуемые в течение недели перед съездом в «Знамени труда», показывали примерное равенство численности большевистских и левоэсеровских делегатов. То же впечатление накануне открытия съезда передавали независимые московские газеты «Новости дня», «Наше слово» и «Жизнь» (25).

Большой театр в Москве во время Пятого Всероссийского съезда Советов *Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург*

К несчастью для левых эсеров, эти списки не включали приблизительно 399 большевистских делегатов, чье право заседать на съезде было оспорено левоэсеровским меньшинством в мандатной комиссии съезда (26). Примерно 25 июня, одновременно с объявлением Свердлова о переносе даты открытия съезда с 28 июня на 3 июля (а затем на 4 июля), из ЦК большевиков в провинцию полетели срочные призывы немедленно прислать в Москву дополнительное количество делегатов. Легитимность этих делегатов была оспорена лево-

эсеровским меньшинством мандатной комиссии и левыми эсерами в составе тех институтов, откуда эти делегаты прибыли. В начале съезда левоэсеровские требования паритета в мандатной комиссии с целью разоблачения этих махинаций большевиков были отвергнуты пофракционным голосованием, что наводило на мысль о стремлении избежать огласки (27). Архивные документы по Могилевской губернии, большая часть которой была оккупирована немцами, являются наглядной иллюстрацией этого мошенничества (28).

Неудивительно, что первые заседания съезда, который проходил в Большом театре, превратились в сплошную словесную перебранку (29). При председательствующем Свердове, который был далек от беспристрастности, левые эсеры оказались в чудовищно невыгодном положении. Троцкий прямо в день открытия съезда, 4 июля, потребовал принять постановление о расстреле «на месте» любого, кто будет сопротивляться аресту за выступление против германских оппозиционных сил на Украине (30). Спиридонова, от лица левых эсеров, закономерно интерпретировала это как прямую угрозу (31). После того как предложение Троцкого было принято в форме официальной резолюции, сомнений в том, что оно было частью превентивного удара по левым эсерам, уже не осталось. На следующий день (5 июля) Ленин то и дело подначивал левых эсеров уйти со съезда. Так, в самом начале доклада о деятельности Совнаркома он сослался на нежелание Спиридоновой считаться с фактом огромного большевистского большинства на съезде и бесцеремонно заявил, что «если такие люди предпочитают со съезда уходить, то скатертью дорога» (32). Позже Ленин заявил: «Если найдутся из партии лев[ых] с.-р. люди, которые скажут, как предыдущий оратор [Спиридонова]... “мы с большевиками работать не можем, мы уходим”, — мы не пожалеем об этом ни на одну минуту. Те социалисты, которые уходят в такую минуту... те враги народа» (33).

Карелин и Камков, которые, наряду со Спиридоновой, были на съезде главными докладчиками от левых эсеров, стояли на своем. Они резко нападали на большевиков и на германский имперализм, в то время как члены высокой правительственной делегации Германии гневно взирали на них из центральной ложи. Главное, однако, заключалось в том, что к концу первого дня надежда левоэсеровских лидеров на то, что им удастся воспользоваться трибуной общего,

рабоче-крестьянского, съезда, чтобы изменить политику Совнарко-ма, оказалась разбита. В результате, они ощутили необходимость прибегнуть к традиционному оружию эсеров — индивидуальному террору, а именно, к убийству германского посла в Москве графа Вильгельма Мирбаха. Это решение было принято поспешно, из страха, что их лидерам грозит физическая расправа, и в надежде, что убийство Мирбаха, развязав войну с Германией, может спасти им жизнь.

Лидеры левых эсеров *Верхний ряд* Камков, Карслин и Штейнберг, *нижний ряд* Спири-
донова и Прошьян *Рис. Ю.К. Аризубушева*

* * *

Вопрос об использовании террора против зарубежных «империалистических» лидеров как средства борьбы с Брестским миром впервые обсуждался и был решен положительно на закрытом заседании Второго Всероссийского съезда партии левых эсеров в апреле. Генерал Эйхгорн, командующий германскими оккупационными войсками на Украине, посол Мирбах и кайзер Вильгельм были намечены в качестве потенциальных объектов. В мае Григорий Смолянский, секретарь ВЦИКа и член Боевой организации левых эсеров, тайно ездил в Берлин разузнать мнение немецких социал-демократов насчет убийства кайзера. Их испуганная реакция заставила левых эсеров на время отказаться от этой затеи (34). 24 июня, в день, когда Свердлов объявил о переносе даты открытия съезда Советов с 28 июня на 3 июля и возникло опасение, что съезд может вовсе не состояться, ЦК левых эсеров вернулся к идее политических убийств. Он принял резолюцию, предусматривающую организацию серии террористических актов против высших представителей германского империализма (35). Имя графа Мирбаха или какого бы то ни было конкретного объекта уничтожения в резолюции названо не было, но поскольку он являлся главным символом германского империализма в России и стоял в начале списка потенциальных жертв, составленном левыми эсерами в апреле, резонно предположить, что и в июне он оставался одной из главных мишеней.

Текст резолюции, принятой ЦК левых эсеров 24 июня, показывает, что в ней предусматривалось, что для мобилизации военных сил и подготовки масс и местных партийных организаций к террористическим актам понадобится время, а также оговаривалось, что целью этих актов является борьба против политики ленинского Совнаркома, но никак не против большевиков (если только не возникнет необходимость самообороны). Следовательно, эти меры стали бы ненужными, воплотись левоэсеровские надежды на отмену Брестского мира Пятым Всероссийским съездом Советов. Иначе говоря, резолюция от 24 июня была запасным вариантом ЦК левых эсеров. Как бы то ни было, в завуалированной форме она была одобрена Третьим съездом партии левых эсеров (36).

Серьезные приготовления к убийству Мирбаха начались вечером 4 июля, после первого заседания съезда Советов. Сначала планировалось осуществить его на следующий день (5 июля) (37). Однако, когда стало ясно, что времени для подготовки недостаточно, было решено перенести его еще на день (6 июля). Убийство было совершено двумя левыми эсерами-чекистами, Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым, в гостиной германского посольства. Тем временем, практически все левоэсеровское руководство собралось в штабе отряда ВЧК, куда были стянуты внушительные военные силы под командованием бывшего черноморского моряка, левого эсера Дмитрия Попова.

В середине дня 6 июля Ленин получил известие о крупном восстании против Советской власти в Ярославле, губернском центре на Волге, примерно в 240 км к северо-востоку от Москвы (38), что потребовало переброски туда дополнительных войск из Москвы. Эта необходимость, последовав сразу после отправки значительных воинских сил в Мурманск и на чехословацкий фронт, оставила Москву на попечении относительно немногочисленных подразделений латышских стрелков и чекистов, а также пестрых формирований недисциплинированных красногвардейских и красноармейских отрядов, многие из которых находились еще в процессе формирования и подготовки.

Короткое время спустя Ленину позвонил Владимир Бонч-Бруевич, сообщив первую весть о покушении на Мирбаха. Поначалу было неясно, насколько сильно пострадал посол. Однако вскоре последовало сообщение о его смерти. В эти первые лихорадочные минуты Ленину даже не пришло в голову, что убийство может быть делом рук левых эсеров (39). То, что Мирбаха убили Блюмкин и Андреев, он впервые узнал от Дзержинского, когда ближе к вечеру заехал в германское посольство выразить соболезнования. Там же он выяснил, что за Блюмкиным стоят военные из главного вооруженного формирования ВЧК и что этот отряд возглавляют левые эсеры. Ленин также получил тревожные новости от Георгия Чичерина, наркома по иностранным делам, предупредившего его о настойчивом желании германского правительства разместить свои войска в Москве.

Дзержинский, в сопровождении двух помощников, прямо из посольства отправился в свой военный штаб, превратившийся в командный центр левых эсеров, чтобы арестовать Блюмкина и Анд-

реева. В тот момент Дзержинский, похоже, еще полагал, что эти двое действовали на свой страх и риск (40). Но он в этом быстро разубедился. Обыскивая штаб ВЧК в поисках убийц, он встретил там множество левоэсеровских деятелей из числа высшего партийного руководства, в том числе Доната Черепанова, Георгия Саблина, Спирионову, Камкова, Прошьяна, Карелина, Трутовского, Фишмана и своего старшего заместителя, Александровича. Они сообщили ему, что Мирбах был убит по приказу ЦК левых эсеров, который взял на себя всю ответственность за этот акт. В ответ на это Дзержинский арестовал Прошьяна и Карелина и пригрозил расстрелять Попова, если тот не выдаст Блюмкина и Андреева. Впоследствии он рассказывал, что затем несколько моряков силой разоружили его. Спирионова пояснила, что Дзержинский и его помощники задержаны за то, что они «с Мирбахом», а Черепанов добавил: «Мир сорван, и с этим фактом вам придется считаться. Мы власти не хотим, пусть будет так, как на Украине [т. е., партизанская война против немецкой оккупации]... пусть займут немцы Москву» (41).

О масштабах вовлеченности в убийство Мирбаха левых эсеров вернувшийся в Кремль Ленин узнал только к вечеру. Бонч-Бруевич, который находился с ним в это время, вспоминал, что Ленин был ошарашен этой новостью и на какой-то момент утратил самообладание: побелел, как обычно с ним бывало, когда он был разгневан или потрясен неприятным, неожиданным поворотом событий (42). Однако, по-прежнему не сомневаясь в том, что полноценная война с Германией будет катастрофой для дела революции, Ленин быстро пришел в себя и сосредоточился на том, чтобы продемонстрировать немцам, что большевики вполне в состоянии легко справиться с левыми эсерами. Трудность заключалась в том, что сказать с уверенностью, что имеющиеся в его распоряжении военные силы не уступают тем, что были у левых эсеров, было невозможно. Его главный орган безопасности, ВЧК, оказался наводнен левыми эсерами.

Однако ставки, без сомнения, были чрезвычайно высоки, и последующие события показали, что Ленин был готов пойти на риск. Заклеймив убийство Мирбаха как часть масштабной попытки со стороны левых эсеров свергнуть Советскую власть, он поручил ее подавление Троцкому. Троцкий, в свою очередь, назначил Ивара Смилгу командующим всеми воинскими подразделениями, привлеченными

для выполнения этой задачи (43). Непосредственное руководство операцией штурма штаба Попова было поручено полковнику Иоакиму Вацетису (командующему дивизией латышских стрелков), Николаю Подвойскому (тогда — члену Высшего военного совета) и Николаю Муралову (комиссару Московского военного округа) (44). Ленин также приказал Урицкому и Петру Заславскому (секретарю Петербургского комитета большевиков) немедленно вернуться в Петроград, чтобы успеть пресечь возможные действия левых эсеров там. Все телефонное и телеграфное сообщение в городе Москве и между Москвой и остальной территорией страны (кроме правительственноного) было прервано. Был установлен жесткий контроль за движением автомобильного транспорта в Москве, а также за железнодорожным сообщением столицы.

В 8 часов вечера левоэсеровская фракция Пятого съезда Советов в полном составе была арестована в фойе Большого театра. Члены фракции и их гости, всего более четырехсот человек, собрались там в ожидании вечернего заседания съезда и ничего не знали ни о планах собственного ЦК убить Мирбаха, ни, тем более, о самом убийстве (45).

Вскоре последовало первое официальное заявление Советского правительства об убийстве Мирбаха, которое было передано телеграфом на всю страну. Помимо обвинений «негодяев левых эсеров» в том, что они поставили Россию на грань войны с Германией и подняли восстание против Советской власти, в нем сообщалось, что все левоэсеровские делегаты Пятого съезда Советов задержаны в качестве заложников и что принимаются все необходимые меры к немедленной ликвидации «мятежа новых слуг белогвардейских замыслов». Заявление призвало «всех» к оружию для защиты революции (46).

К досаде Ленина, надеявшегося покончить с «мятежом» левых эсеров без промедления, намеченный Вацетисом на два часа ночи штурм штаба отряда Попова столкнулся с серьезной загвоздкой. 7 июля было воскресенье и большой религиозный праздник (Иванов день), солдаты были отпущены по домам, и к назенненному времени ни одна из групп красногвардейцев, красноармейцев или латышских стрелков, принимавших участие в операции, не оказалась на исходных позициях. В результате, как смущенно признали в докладе Ле-

нину несколько дней спустя Подвойский и Муралов, «был проигран ночной характер операций и операции должны были принять характер дневного боя» (47). Штурм начался только в полдень, когда штаб Попова и два соседних здания подверглись разрушительному обстрелу из артиллерийских орудий, подведенных «на двести шагов». Затем, после непродолжительной перестрелки из винтовок и пулеметов, бойцы отряда Попова и левоэсеровское руководство обратились в бегство — оставив Дзержинского.

Начавшиеся убийством Мирбаха действия левых эсеров уже вечером 6 июля получили определение «восстания против Советской власти». Так же этот эпизод часто описывают и историки. Но так ли это? Тщательно изучив имеющиеся, опубликованные и неопубликованные, свидетельства, я пришел к выводу, что нет. При внимательном рассмотрении, все действия московских левых эсеров, последовавшие за убийством Мирбаха — за исключением, возможно, кратковременного захвата Прошляном центрального телеграфа и его поведения там, что вполне могло быть его собственной инициативой — были сообразны их цели изменения политики ленинского Совнаркома, но не захвата власти и даже не борьбы против большевиков, кроме случаев самообороны.

* * *

Ленин и Григорий Петровский предприняли решительные действия, чтобы устранить левых эсеров как политический фактор, пока они были в бегах. Блюмкину и Андрееву удалось ускользнуть, как и одиннадцати из четырнадцати прочих лидеров левых эсеров, впоследствии обвиненных в причастности к убийству Мирбаха. Однако более четырехсот левых эсеров, преимущественно рядовых членов партии, были схвачены, и часть их расстреляна (в том числе Александрович) (49).

Членов левоэсеровской фракции Пятого съезда Советов втиснули в две комнаты на верхнем этаже Большого театра, где они пробыли несколько дней, после чего тринадцать «главных виновников» были отправлены в заключение в Кремль, сто человек были освобождены, а остальные помещены в казармы Александровской военной

академии и постепенно также отпущены на свободу. Важно отметить, что среди тринадцати главных обвиняемых были левые эсеры — члены мандатной комиссии съезда. Их отпустили лишь после окончания съезда, т. е. тогда, когда их претензии к мандатам большевистских депутатов уже не имели смысла. Левые эсеры из Крестьянского отдела ВЦИКа, не входившие в число делегатов съезда, также подверглись аресту и заключению в кремлевской тюрьме (50). Спиридонова, которую арестовали, когда она появилась на съезде, чтобы объяснить смысл действий левых эсеров, пробыла в камере до конца ноября 1918 г.

7 июля две центральные левоэсеровские газеты, «Знамя труда» и «Голос трудового крестьянства», были закрыты — без разрешения когда-нибудь возобновить выпуск. Пятый съезд Советов, уже без левых эсеров, 9 июля продолжил свою работу. Он принял резолюцию, заклеймившую события 6–7 июля как наглую попытку левых эсеров захватить власть, одобрил действия Советского правительства по пресечению выступления и наложил запрет на членство левых эсеров в Советах — в случае, если они отказываются признать действия своего ЦК преступными (51). Исполняя решение съезда, нарком внутренних дел Петровский пошел на шаг дальше: он дал указание местным Советам убрать с ответственных постов всех левых эсеров, не зависимо от их отношения действиям своего ЦК (52). Крестьянский отдел ВЦИКа, по сути, прекратил свое существование.

Перед своим закрытием 10 июля съезд принял первую советскую Конституцию. Как признал, представляя этот документ съезду, Юрий Стеклов, член комиссии по подготовке проекта Конституции, хотя ее главным отличием является демонстрация перехода политической власти в стране в руки рабочих и крестьян, а также их цели — построения равноправного демократического социалистического общества, свободного от экономической эксплуатации и политического господства, — в переходный период от капитализма к социализму борьба против национальной и мировой буржуазии требует установления сильной централизованной диктатуры (53). Конституция закрепила миф о том, что выборный Всероссийский съезд Советов является высшим органом государственной власти, а в период между его созывами (за исключением чрезвычайных обстоятельств) правительство — Совнарком — подчиняется ВЦИКу, являющемуся

верховным законодательным, исполнительным и распорядительным органом власти. На практике все по-прежнему было наоборот. В период между Пятым (июль 1918 г.) и Шестым (ноябрь 1918 г.) съездами ВЦИК собирался только восемь раз (Совнарком, как правило, заседал ежедневно), и эти заседания, после исключения из него меньшевиков, эсеров и левых эсеров, носили в основном церемониальный характер (54).

Все граждане Советской России, мужчины и женщины старше 18 лет, которые зарабатывали средства к существованию собственным трудом, производительным или общественно-полезным, военнослужащие и нетрудоспособные получили избирательные права. Лица, эксплуатирующие наемный труд или получающие доход от частных предприятий — в целом, средний и высший классы — этих прав лишились. В последнем черновом проекте Конституции присутствовал также пункт, который явно ограничивал избирательные права трудящихся женщин, но в окончательном варианте, представленном съезду и одобренном им, он был опущен (55). Однако избирательное преимущество рабочих над крестьянами, которое помогло большевикам (хотя и не гарантированно) получить огромное большинство на Пятом съезде, было также закреплено в Конституции. В будущих выборах на Всероссийский съезд Советов городские Советы получили право посыпать одного депутата от 25 тысяч избирателей, а губернские съезды Советов — одного депутата от 125 тысяч избирателей (56).

Два дня спустя после роспуска съезда Советов, 14 июля, случилось то, чего Ленин опасался больше всего. Временно исполнявший обязанности посла Германии в России Курт Рицлер обратился к нему с официальным прошением о вводе в Москву батальона германских войск, вооруженных пулеметами, минометами и огнеметами, для защиты германского посольства. Это обращение поставило Ленина перед явно неразрешимой дилеммой. Ответить утвердительно значило нарушить суверенитет Советской России. По практическим соображениям, это сделало бы Совнарком заложником прихода германского высшего командования. С другой стороны, отказ почти наверняка гарантировал возобновление полномасштабной войны с Германией, что, с точки зрения Ленина, было равнозначно самоубийству.

Начавшаяся в полночь 14 июля вторая битва на Марне, связавшая немецкие войска по рукам и ногам крупным наступлением на Западном фронте, позволила Ленину перевести дыхание. Чичерин немедленно ответил отказом на требование Рицлера, пообещав сделать все возможное, чтобы обеспечить безопасность германского посольства (57). Ленин подтвердил ответ Чичерина официальным заявлением на спешно созванном первом заседании нового ВЦИКа (58). Немедленный кризис в советско-германских отношениях закончился соглашением, что для охраны германского посольства в Москве будет выделена тысяча красногвардейцев, а в качестве усиления немцы могут использовать триста своих военнослужащих, но без оружия и в штатском.

* * *

События в Петрограде, последовавшие за убийством Мирбаха, подтверждают, что этот необдуманный акт был именно тем, чем он был, по заявлению левых эсеров, а вовсе не частью неудавшегося левоэсеровского заговора с целью захвата власти. Иванов день 7 июля 1918 г. в Петрограде выдался солнечным и жарким. К полудню улицы бывшей столицы заполнились гуляющими людьми. Единственным упоминанием о событиях в Москве в утренних газетах были две строчки официального сообщения, переданные по телефону из столицы сразу после убийства Мирбаха — еще до того, как телефонное и телеграфное сообщение было прервано: «Убит германский посол Мирбах. В него брошены две бомбы». Примечательно, что это оказалось единственным указанием на чрезвычайные события в Москве, появившимся на страницах левоэсеровского «Знамени борьбы». Лозунг этого номера, как и в предыдущие дни, призывал приложить усилия к изменению внешней политики на Пятом съезде Советов: «Долой брестскую петлю, удушающую русскую революцию!»

Накануне вечером те немногие из большевистских руководителей Петроградского Совета, кто не поехал на съезд, получили указание из Москвы предотвратить левоэсеровское выступление у себя. Они немедленно сформировали Военно-революционный комитет, дав ему неограниченные полномочия для борьбы с возникшей опас-

ностью. Этот ВРК тут же начал приготовления к разоружению главного левоэсеровского отряда, размещавшегося в военном штабе левых эсеров в Пажеском корпусе. Он также принял решение закрыть газету «Знамя борьбы» и попытаться захватить Петроградский комитет партии левых эсеров — и то, и другое располагалось в бывшем доме Перцова на Лиговской улице, недалеко от Пажеского корпуса. Кроме того, он распорядился создать в районных Советах военно-революционные тройки из большевиков, также с чрезвычайными полномочиями, чтобы держать под неусыпным наблюдением местных лидеров левых эсеров и руководить упреждающими ударами против левоэсеровских органов в районах. В ночь с 6 на 7 июля и на следующий день такие тройки были созданы в большинстве районных Советов Петрограда (59). Они взяли на себя ответственность за отстранение левых эсеров от ключевых должностей, усиление безопасности и разоружение левоэсеровских дружин на своей территории.

Стоит отметить, что даже теперь партийные организации большевиков играли второстепенную роль в принятии этих решений и их осуществлении. В конце доклада об управлении народным хозяйством Северной коммуны на вечернем заседании большевистского Делегатского совета 6 июля в зал неожиданно вбежал член ПК Сергей Гессен и поспешил зачитать сообщение об убийстве Мирбаха и директиву ВРК в адрес районных Советов. Это было и все. Несмотря на тот факт, что там присутствовали делегаты от всех крупных районов Петрограда (всего 27 человек), новость Гессена, похоже, даже не обсуждалась, и к делегатам никто не обратился за помощью в деле организации подавления левоэсеровского выступления (60). Более того, ПК большевиков даже не собрался на специальное заседание по этому поводу. Очередные заседания ПК состоялись 5 и 10 июля; в промежутке между этими датами, похоже, заседаний не было (61). Реагируя на сложившиеся чрезвычайные обстоятельства, по крайней мере, три районных комитета партии большевиков (Рождественский, Охтинский и Василеостровский), действуя по собственной инициативе, 7 июля сформировали или активизировали свои чрезвычайные тройки (62). Однако, за исключением Рождественского района, где большинство в местном Совете принадлежало левым эсерам, деятельность партийных троек, похоже, везде оказалась

быстро вытеснена военно-революционными тройками, созданными районными Советами.

Многочисленные свидетельства показывают, что большевистские власти Петрограда узнали о роли левых эсеров в убийстве Мирбаха задолго до того, как это стало известно петроградским левым эсерам. 10 июля левый эсер Н. Красиков, член комиссариата по делам печати, заявил в газетном интервью, что в Петроградском комитете левоэсеровской партии «известие о выступлении в Москве было встречено с изумлением. Для нас это явилось полной неожиданностью». Сам Красиков узнал эту новость 7 июля, после того как не сумел попасть в свой кабинет в Смольном. Тогда же он услышал и большевистскую интерпретацию событий (63).

Опыт Красикова подчеркивает одно важное обстоятельство. В условиях, когда газета «Знамя борьбы» была закрыта, а телефонное и телеграфное сообщение с Москвой прервано, информацию о событиях там петроградские левые эсеры в течение нескольких дней получали только из большевистских источников (это касалось даже сообщений в небольшевистской прессе), и этот факт необходимо учитывать при оценке их реакции на происходящее. А эти источники во все более вызывающей и обвинительной манере сообщали не только, что ЦК левых эсеров был виновен в убийстве Мирбаха, но и что левые эсеры совершили ряд шагов, направленных на свержение Советской власти, что должно было выглядеть уж совсем необъяснимым. Гегемония революционно-демократических Советов была стержнем левоэсеровского политического кредо.

Урицкий вернулся в Петроград около трех часов дня 7 июля и взял на себя руководство Военно-революционным комитетом. Начавшийся ранее в тот же день процесс замены левых эсеров, стоявших во главе комиссариатов и занимавших другие руководящие должности в Северной коммуне, на большевиков пошел интенсивнее. Урицкий сохранил за собой председательство в ПЧК и забрал назад у Прошьяна пост комиссара по внутренним делам. Но еще до этого кабинеты левых эсеров в Александровском крыле Смольного были отрезаны от основного здания преданными большевикам военным, в результате чего ни о чем не подозревавшие левоэсеровские чиновники оказались в ловушке. Около двух часов дня их ведомства были закрыты. Одновременно была арестована левоэсеровская фрак-

ция Петроградского Совета, все члены которой были отправлены на Гороховую, 2 (64). Вскоре после этого Петроградский комитет левых эсеров узнал о приготовлениях правительства к разоружению боевых дружин партии. Он немедленно направил своему военному штабу, а также районным комитетам и дружинам предупреждение об угрозе возможных нападений большевиков с указанием перейти на нелегальное положение (65). Сами члены комитета также ушли в подполье.

Информация, которая поступала в ВРК во второй половине дня, показывала, что среди левых эсеров на всех уровнях это предупреждение вызвало шок и недоумение. Говорили, что влиятельные местные лидеры спрашивали друг друга: «Почему нам предписывают перейти на нелегальное положение?» (66). Репортер «Вечерних огней», надеявшийся получить какие-то разъяснения в Петроградском комитете левых эсеров и в редакции «Знамени борьбы», нашел их в конце дня пустыми, если не считать одинокого мальчишки-газетчика и какого-то левого эсера из соседнего Александро-Невского района, зашедшего выяснить, что происходит. В ответ на вопрос репортера этот левый эсер сказал: «Мы, петроградские левые эсеры, знаем только об аресте Центрального Комитета нашей партии. Ни о каком выступлении левых эсеров мы ничего не знаем. Полученная нами телефонограмма от нашего Петроградского комитета была принята с полным недоумением. Почему нас разоружают? Почему Петроградский комитет предписывает нам перейти на нелегальное положение? По-видимому, произошли какие-то события» (67).

Путиловский рабочий-большевик позже вспоминал, что утром 7 июля у них в районе все было спокойно, «члены партии левых эсеров преспокойно гуляли с женами и детьми, по-видимому, ничего не зная о случившемся, хотя... за наиболее видными из них [уже] было установлено наблюдение» (68). Выступавшие на заседании ПК большевиков 10 июля представители районных комитетов партии сообщали похожие данные, свидетельствующие о замешательстве среди левых эсеров 7 июля. «Авантура застала левых эсеров врасплох, — сообщал представитель Первого городского района. — Называли это провокацией» (69). Короче говоря, советские власти в Петрограде с самого начала прекрасно знали, что левые эсеры в бывшей столице не принимали участия ни в каком «заговоре против

Советской власти», даже если он имел место в Москве. Рядовые петроградские левые эсеры были настолько растеряны, что и не думали сопротивляться конфискациям оружия. Единственный известный эпизод с жертвами, произошедший во время разоружения левоэсеровских дружин в районах, был результатом несчастного случая. Когда латышские стрелки отбирали оружие у левых эсеров в окрестностях Обуховского завода, одна граната упала и взорвалась. Четыре человека погибли и четырнадцать получили ранения (70).

* * *

Главной сценической площадкой, на которой разворачивалось действие «мятежа левых эсеров» 7 июля 1918 г. в Петрограде и его подавления, стала территория, примыкающая к Пажескому корпусу. То, что происходило там, было не столько драмой, сколько трагикомедией. Размещавшаяся в здании бывшего Пажеского корпуса главная левоэсеровская боевая дружина под командованием матроса по фамилии Сандуров представляла собой лишь слабую тень того, чем она была феврале–марте 1918 г., когда была сформирована при поддержке большевиков, чтобы помочь защищать Петроград от немцев (71). Так же, как и в случае с большевистскими военными формированиями, расширение в конце весны — начале лета ареала гражданской войны привело к тому, что наиболее опытные и надежные бойцы дружины были отправлены на фронт. В итоге, из 350–380 солдат, остававшихся в Пажеском корпусе в начале июля, большинство были наемники, в основном совсем юные, необученные и беспартийные. Значительная часть их только недавно была перемещена из Красной армии и из флота обещаниями более высокого жалования и лучших условий службы (72).

Утром 7 июля личный состав дружины был проинформирован об убийстве Мирбаха; военнослужащим запретили покидать стены корпуса и предупредили о возможном нападении германских или белофинских войск. О том, что в убийстве замешаны левые эсеры, и о возможности нападения со стороны Красной армии, им не сказали (73). В пять часов вечера телефонное сообщение с корпусом было прервано. С этого момента дружины не имела связи ни с политиче-

ским руководством левых эсеров, ни с районными дружинами. Час спустя на Невском проспекте и других стратегически важных улицах и у правительственные зданий появились конные красноармейские патрули. На подходах к Пажескому корпусу были устроены пикеты, в расположенных поблизости Мариинском, Александринском и Малом театрах отменены вечерние спектакли, а из примыкающей к зданию корпуса Императорской публичной библиотеки выставлены все читатели. В здании Городской Думы (также расположенной рядом) был размещен медицинский пункт. Военно-революционный комитет, на который было возложено руководство разоружением левоэсеровской дружины, расположился в юго-западном крыле Гостиного двора (двухэтажной торговой галереи на Невском проспекте, своим главным фасадом выходящей на Пажеский корпус). В Банковском переулке (позади Государственного банка), на углу Невского и Садовой и в переулке Чернышевского были расположены легкие артиллерийские орудия (74).

Перед этими последними приготовлениями Урицкий направил Залуцкого и еще одного партийного товарища, Николая Кузмина, в Пажеский корпус попытаться договориться о добровольном разоружении и сдаче дружины (75). Это предложение было отвергнуто. Последовавшая за этим большевистская попытка внезапного штурма корпуса была сорвана, так как защитники забросали наступавших гранатами из окон. Большевики снова попытались договориться о сдаче. Эти переговоры еще продолжались, когда отдельные лица с обеих сторон возобновили боевые действия. Между тем, слухи о «событии» привлекли в окрестности Пажеского корпуса тысячи любопытных зевак. Было еще очень светло, до ночи было далеко, и праздные толпы давили на оцепившие территорию пикеты, чтобы хоть мельком увидеть происходящее.

В семь часов вечера толпа увидела, как солдаты, некоторые с пулеметами, окружили Пажеский корпус. Час или около того спустя начался главный штурм здания правительственными войсками, которые обрушили на него град артиллерийских снарядов, не считая винтовочного и пулеметного огня. Время от времени защитники отвечали, лупя снарядами по фасаду и витринным окнам Гостиного двора. Оглушительный грохот артиллерии, от которого с дребезгом повылетали окна в соседней публичной библиотеке, напугал ничего

не подозревавших горожан, гулявших с детьми в парке Аничкова дворца. Когда обстрел усиливался, толпы зевак устремлялись в укрытие, но тут же возвращались назад, едва канонада стихала. Едкий, плотный дым, которым заволокло все вокруг, их. похоже, не беспокоил. Среди них были и предполагаемый осведомитель ПЧК Мура Бенкendorф с капитаном Кроуми (последний уничтожил все свои записи, как только понял, что происходит) (76).

Когда начался артиллерийский обстрел Пажеского корпуса, ручеек выбегающих из здания и сдающихся правительенным войскам солдат превратился в поток. Ближе к концу боя можно было увидеть, как по крышам соседних домов стремительно убегают матросы. Наконец, около девяти часов вечера зрители заметили белое полотенце, вывешенное из одного из окон Пажеского корпуса. Огонь прекратился; тем временем, было достигнуто соглашение о разоружении и сдаче левоэсеровской дружины в обмен на гарантии безопасности для ее личного состава. Почти сразу же после этого в здание вошли правительственные войска, разоружили и арестовали 150 еще находившихся там бойцов дружины и отвезли их на Горюховую, 2.

То, что штурм Пажеского корпуса был не спровоцированным левыми эсерами, а превентивным ударом, показывают имеющие отношение к этому делу документы ПЧК. В своих показаниях большинство арестованных свидетельствовали, что вступили в левоэсеровскую друjinу, чтобы защищать Советскую власть, поэтому, не желая сражаться с нею, не принимали участия в стрельбе в Пажеском корпусе. ПЧК не сумела найти каких-либо свидетельств в пользу того, что левоэсеровское руководство давало указание своей дружине оказывать сопротивление правительенным войскам или любые другие указания, кроме распоряжения уйти в подполье. Судя по подсчетам Главного политического управления (ГПУ), сделанным в июле 1935 г. (и подтверждающим документы ПЧК), из 161 подозреваемого, арестованного по делу «О вооруженном сопротивлении левых эсеров в Петрограде», 36 были освобождены тем же вечером. Что касается оставшихся 125 подозреваемых, результаты следственных действий в их отношении ГПУ установить не удалось, поэтому можно предположить, что они также были вскоре отпущены за недостаточностью обвинительных доказательств (77). Рассле-

дование ПЧК по этому делу было официально закрыто 10 декабря 1918 г., а все документы по нему сданы в архив, поскольку, как было сказано в секретной резолюции, «все лица по данному делу освобождены и дальнейшее следствие... не велось» (78). Тем не менее, штурм Пажеского корпуса стал важным элементом официального мифа, окружившего заговор левых эсеров против Советской власти в общенациональном масштабе (79), и использовался для оправдания репрессий против левых эсеров.

* * *

Резолюции, принятые 9 июля Пятым съездом Советов, не говоря уже о последующей еще более жесткой директиве Петровского, обязывали большевистские власти Петрограда исключить из Советов левых эсеров, которые откажутся порвать со своим ЦК (80). 10 июля Петроградский Совет во главе с вернувшимся из Москвы Зиновьевым одобрил это решение. Однако на практике он ограничился исключением левых эсеров, не пожелавших отречься от своего ЦК, из исполкома Петросовета, а также отстранением от руководящих должностей в районных Советах. Задача полного исключения левых эсеров из Советов была возложена на перевыборы (81). Эта сдержанная позиция, характерная для большевистского руководства Петросовета в условиях продолжающегося недовольства среди рабочих, была задним числом одобрена на заседании ПК большевиков 19 июля — именно тогда «левоэсеровская проблема» впервые возникла в повестке дня этого форума (82).

На заседании Петросовета 10 июля было также решено очистить от левых эсеров, не желающих порвать со своим ЦК, вооруженные силы. В этой связи особое беспокойство Совета вызывали моряки Кронштадтской военно-морской базы. В марте 1918 г. мощное влияние левых эсеров в революционной политике Кронштадтского Совета выразилось в яростной оппозиции последнего по отношению к Брестскому миру. В мае, во время кризиса вокруг форта Ино, Кронштадтский Совет и его исполком приняли ряд резолюций, провозгласивших, что брестская «передышка» подошла к концу (83). А совсем недавно, накануне Пятого съезда Советов, когда левые

эсеры в союзе с эсерами-максималистами составляли большинство в Кронштадтском Совете, он принял резолюцию, выразившую не-приятие централизованной диктатуры как противоречащей принципу «Вся власть Советам» и представляющей возврат к буржуазным формам правления (84).

В отличие от Петрограда, где левые эсеры явно не представляли опасности для большевистской власти во время июльских событий в Москве, угроза того, что тысячи вооруженных, независимо мыслящих кронштадцев, направляемых левыми эсерами, могут, в ответ на известие о левоэсеровском «мятеже» в Москве, поднять собственное восстание, была весьма реальной. Большевистские власти в Петрограде осознавали эту угрозу. Воспользовавшись кратковременным замешательством кронштадтского левоэсеровского руководства, они 7 июля сформировали на базе Революционный комитет, куда вошел Кронштадтский комитет большевиков в полном составе, что позволило взять политическую ситуацию на базе под жесткий контроль (85). Опасения большевиков подтвердились, когда кронштадтские левые эсеры, все, как один, отказались подписать обязательство подчиняться Революционному комитету. В результате, 9 июля большевистские власти в Петрограде распустили Кронштадтский Совет, заменив его марионеточным комитетом. Этот комитет закрыл газету «Известия Кронштадтского Совета», бывшую рупором революционного Кронштадта с марта 1917 г., организовал разоружение кронштадтских левых эсеров и максималистов и запретил любые политические собрания на базе (86). В дальнейшем он издал постановление о правилах выборов нового Совета, которые исключали членство левых эсеров. Практически они были объявлены вне закона (87). Все эти меры оправдывались «преступной нерешительностью и неспособностью [Кронштадтского Совета] защищать Советскую власть», а также «необходимостью установить твердую революционную диктатуру, чтобы не дать восторжествовать замыслам агентов империалистов» (88).

Что касается петроградских левых эсеров, то в первые день-два после сообщения о «мятеже левых эсеров против Советской власти» некоторые левоэсеровские деятели районного уровня были настолько ошеломлены кажущейся неопровергимостью свидетельств, обвиняющих центральное руководство их партии в попытке свергнуть

Советскую власть, что официально отказались от него (89). На предприятиях большевики попытались воспользоваться дезориентацией партийных организаций левых эсеров, чтобы постепенно оторвать от них рабочих (90). Впоследствии, испытывая постоянное давление со стороны враждебной большевистской пропаганды, некоторые петроградские левые эсеры не смогли снова найти общий язык со своим руководством. Они либо примкнули к большевикам, либо вошли в состав народников-коммунистов — отколившейся от левых эсеров партийной группы, организованной в сентябре 1918 г.

Однако это не было типичной реакцией. Картины «левоэсеровского заговора против Советской власти» в Петрограде, рисуемые большевистской и советской печатью, так разительно отличались от того, что левые эсеры *знали* о произшедшем, что очень скоро у большинства из них возникли сомнения и по поводу правительственної версии событий в Москве. Эти сомнения усилились, когда до Петрограда дошли листовки протеста, выпущенные их товарищами в Москве (91). В совокупности они представляли собой убедительное свидетельство фальсификации большевистского большинства на Пятом съезде Советов, мотивов, лежавших в основе убийства Мирбаха, размаха репрессий против левых эсеров в Москве и большевистских злоупотреблений властью в целом. В итоге, петроградские левые эсеры все решительнее отвергали требования дезавуировать действия своего ЦК в обмен на сохранение «ответственных постов» или даже просто мест в Советах. Время от времени они обвиняли большевиков в том, что это они нападают на левых эсеров, а не левые эсеры на них, и требовали положить конец гонениям.

Каким-то чудом, учитывая ту степень преследований, которым они теперь подвергались, петроградским левым эсерам удалось в середине июля созвать Десятую городскую конференцию партии левых эсеров. Там они приняли резолюцию, одобряющую действия левоэсеровского ЦК, и потребовали немедленного освобождения из тюрем лидеров своей партии (92). Несколькоими днями ранее, на заседании Петроградского Совета 10 июля, большинство левоэсеровской фракции отказалось осудить действия своего ЦК (93). Свою позицию члены фракции упорно отстаивали и на заседании Петровского совета 16 июля, на котором, по сути, большевики предоставили им последнюю возможность одуматься, а затем сформировали новый

исполком без левых эсеров (94). С этого момента, какие бы серьезные проблемы ни стояли перед городом, левые эсеры были вытеснены из центрального советского руководства. Во время обсуждения на пленарных заседаниях Петросовета вопросов текущей политики, будь то военная мобилизация, недовольство рабочих или даже здравоохранение, с левыми эсерами обращались, как с изгоями (95).

На низовом уровне стремление петроградских левых эсеров сплотиться вокруг своего ЦК, пусть и заплатив за это дорогую цену, наглядно проявилось в их поведении в районных Советах. Взять, к примеру, Петергофский районный Совет. 9 июля его исполком, собравшийся без левых эсеров, официально назначил большевиков на руководящие должности, прежде занимаемые левыми эсерами. Одновременно исполком запретил левым эсерам появляться в своих кабинетах и обязал их сдать личное оружие (96). В полном составе Совет сумел собраться, чтобы обсудить отношения с левыми эсера-ми, только 14 июля. За пару дней до этого сотни рабочих расположенной в районе Путиловской верфи приняли и распространили резолюцию, протестующую против преследования большевиками «истинной защитницы рабочих и крестьян, партии левых социалистов-революционеров». Рабочие требовали освободить из тюрем лидеров левых эсеров, чтобы они имели возможность объясняться перед рабочими, вновь открыть газеты «Знамя труда» и «Знамя борьбы» и провести беспристрастное расследование по делу (97). Однако большевики в Петергофском районном Совете проигнорировали эти требования значимой доли своих избирателей. На заседании Совета 14 июля они потребовали от присутствующих левых эсеров прямо заявить, с большевиками они или против них, и одобряют ли они действия своего Центрального комитета. «Если одобряете, — сказали они, — то мы причислим вас к нашим врагам, в противном случае, бывшие дружеские отношения не будут разорваны».

Левые эсеры ответили, что, как советская партия, они стояли и будут стоять за Советскую власть. Однако они будут бороться с диктатурой отдельных личностей. Само по себе убийство Мирбаха они не осуждают и не будут рвать со своим ЦК до тех пор, пока не возобновит выход левоэсеровская пресса, и вопрос о том, имело ли место левоэсеровское восстание против Советской власти, не будет окончательно прояснен. Затем выступающий от левоэсеровской

фракции отверг обвинения в том, что петроградские левые эсеры принимали участие в заговоре. Он предположил в ответ, что приказ о разоружении левых эсеров в районе пришел сверху, и что местные большевистские товарищи, на самом деле, не утратили веры в левых эсеров, да и интереса в будущей совместной работе. Поэтому он настаивал, чтобы большевики открыто заявили, так это или не так. Ответ на этот вопрос дала большевистская резолюция, принятая на этом заседании. Она одобрила меры, принятые исполкомом «по отношению [к] партии, изменившей делу революции», и призвала «рабочих дать беспощадный отпор авантюристам... желающим втянуть Россию в войну» (98). Похожие процессы имели место в Выборгском и Нарвском районных Советах (99).

Насколько я могу судить, местные партийные комитеты большевиков как таковые не оказывали влияния на решения Петергофского, Выборгского и Нарвского районных Советов о смещении левых эсеров с руководящих позиций. Они действовали по общему сигналу из Петроградского Совета. В отличие от них, в Василеостровском районе инициатива перевыборов исполкома местного Совета, изменения организационной структуры Совета и снятия с ответственных постов подозрительных левых эсеров принадлежала как раз районному комитету большевиков (100). Через большевистских лидеров районного Совета эти решения районного комитета были озвучены и осуществлены на заседаниях исполкома Василеостровского районного Совета 16 июля и Совета в полном составе 18 июля (101).

Ситуация в Рождественском районе была более сложной. Из-за близости Смольного и Таврического дворцов переход всей власти в нем в руки большевиков после июльских событий приобрел особую важность. Однако сделать это было непросто по причине сильных позиций левых эсеров в районе. На заседаниях районного Совета 8, 11, 12 и 15 июля большевики обрушили на левых эсеров поток обвинений, от которых последние, поддерживаемые эсерами-максималистами, энергично защищались. Как смеют большевики нападать на партию, в которой есть такие личности, как Спиридонова, которая так пострадала за революцию, восклицали они. Что бы там ни произошло в Москве, со стороны московских левых эсеров это был шаг против компромиссов с империалистами и против диктатуры от-

дельных личностей, а не против Советской власти. В Петрограде же именно большевики, а не левые эсеры повели себя, как агрессоры. Петроградский комитет левых эсеров издал срочные инструкции, запрещающие левоэсеровским вооруженным частям предпринимать наступательные действия. По какому праву большевики создали в районе всевластную тройку, узурпировали Совет и беззаконно выметают отовсюду левоэсеровских сотрудников? Вы, не мы, должны отвечать, настаивали левоэсеровские депутаты Рождественского районного Совета и добавляли, что они хотели бы продолжить работу в Совете, но только на равных условиях с большевиками.

Такое упорное сопротивление настолько сбило с толку большевиков в Рождественском районном Совете, что их главный докладчик заявил, будто «Адмирал» Щастный затопил Черноморский флот, чтобы угодить левым эсерам (!) (102). В другом случае этот же докладчик настаивал, что раз петроградские левые эсеры оправдывают действия своего ЦК, это значит, что они были осведомлены о них заранее. Тем не менее, яростная защита левых эсеров произвела эффект, и большевистская фракция районного Совета, которая поначалу исключила левых эсеров из исполкома, пошла на попятную и избрала исполком, где большевики и левые эсеры были представлены поровну (103). Районный комитет партии большевиков был настолько разгневан этим актом, что немедленно назначил экстренное заседание фракции с целью добиться соглашения о выводе левых эсеров из исполкома и с руководящих должностей в Совете вообще (104). Это прямое вмешательство в деятельность районного Совета со стороны местного партийного комитета большевиков, аналогичное тому, что имело место в Василеостровском районе, достигло своей цели. Решение об исключении из исполкома левых эсеров было принято на заседании Рождественского районного Совета 18 июля; при этом было указано, что три из шестнадцати мест в исполкоме будут оставлены за левыми эсерами, которые формально осудят действия своего ЦК (105). В течение трех дней левые эсеры были устранины из исполкома, и на должности глав всех отделов назначены большевики (106).

Совет Первого городского района был в числе немногих петроградских районных Советов, где левые эсеры уступили мощному давлению большевиков и отказались от своего ЦК (107). Но даже

в таких Советах, так же, как и там, где левые эсеры проявили непокорность, они так и не смогли вернуть себе прежний статус надежных партнеров в сфере местного управления.

Впрочем, не стоит думать, что левые эсеры полностью исчезли из органов власти. Петроградские большевики так отчаянно нуждались в кадрах, что какое-то время им ничего другого не оставалось, кроме как продолжать полагаться на левых эсеров в качестве работников. Даже несколько недель спустя, уже в конце августа, Стасова, обращаясь от лица Северного областного комитета РКП(б) к районным Советам за кадровой помощью, жаловалась, что «на 117 человек служащих... Комиссариата по внутренним делам имеется всего 4 коммуниста, так что при всем желании посыпать для расследования конфликтов на местах товарищей коммунистов, это невыполнимо, и товарищу Урицкому волей-неволей приходится посыпать левых эсеров» (108). Однако отношение к левым эсерам, как можно заключить из сожаления Стасовой по поводу данной ситуации, было теперь, в лучшем случае, как к неизбежному злу. Как партия, они преследовались наряду с умеренно-социалистическими, либеральными и консервативными партиями и группами.

* * *

Конец большевистско-левоэсеровского альянса знаменует собой решительный поворот к однопартийной власти в Советской России. Примерно в это же время происходит дальнейшая централизация власти в Петрограде, выразившаяся в отмене налоговых полномочий районных Советов и постепенной ликвидации автономии некоторых наиболее важных отделов их исполкомов. К примеру, Совет народного хозяйства Северного района, начиная с момента своего создания в конце марта, ведший борьбу с тем, что его председатель Молотов называл «местничеством» народнохозяйственных отделов районных Советов, чтобы установить контроль над ними (109), теперь предпринял дипломатический подход. СНХ СР издал правила для отделов народного хозяйства исполкомов районных Советов, которые определяли их цели и задачи, пытались систематизировать организационное устройство и устанавливали порядок отношений

с СНХ СР. При этом они были достаточно расплывчатыми и деликатными к чувствам районных Советов, чтобы быть взаимоприемлемыми. Так, в правилах было сказано, что хотя отделы народного хозяйства осуществляют организацию и контроль за народным хозяйством на местах под руководством СНХ СР, они, тем не менее, являются органами районных Советов. Постоянный контакт между СНХ СР и районными Советами должен был осуществляться путем взаимного обмена делегатами. Последнее, как считалось, имело особенно важное значение в период социалистического строительства; впоследствии Советы могли надеяться на обретение большей автономии. Представители народнохозяйственных отделов (по одному от района) получали право участвовать в пленарных заседаниях СНХ СР, но без права голоса. Кроме того, признавалась особая роль междурайонных совещаний представителей народнохозяйственных отделов; они должны были собираться не реже двух раз в месяц для обсуждения и координации своей деятельности (110).

Эти правила позволили СНХ СР и народнохозяйственным отделам исполкомов районных Советов установить стабильные взаимоотношения в краткосрочной перспективе и создали модель централизации, приемлемую для других областей, причем более приемлемую, чем ультрацентрализованная диктатура, предлагаемая Лениным. Однако управление экономикой в Петрограде оставалось неэффективным. И в городе, и в районах продолжала существовать масса бюрократических органов с дублирующими друг друга функциями и полномочиями. Только в 1919 г., под влиянием военных нужд, районные Советы негласно признают необходимость более жесткой централизации. А на исходе лета 1918 г., несмотря на их *modus vivendi* с СНХ СР, петроградские районные Советы продолжали ревностно отстаивать свои прерогативы.

* * *

Крах большевистско-левозеровского альянса в Петрограде не должен заслонять собой ту исключительную важность, которую этот альянс имел для создания, после переезда Совнаркома в Москву, жизнеспособного советского правительства в Петроградском регио-

не и для выживания там Советской власти в суровых условиях экономического, политического и военного кризисов конца весны — начала лета 1918 г. Как, впрочем, он не должен затушевывать и огромное историческое значение крушения этого альянса в общероссийском масштабе.

Ввиду всего этого, решение ЦК левых эсеров выбрать «вариант террора» после поражения в борьбе за мандаты Пятого Всероссийского съезда Советов кажется особенно неудачным. На Четвертом Всероссийском съезде партии левых эсеров в октябре 1918 г. левоэсеровские лидеры утешали себя мыслью, что убийством Мирбаха они сослужили долгую службу делу мировой социалистической революции. Мысль спорная, но, в любом случае, она не отменяет того факта, что после убийства Мирбаха все планы и ожидания левых эсеров пошли прахом. Руководство партии полагало, что убийство германского посла спровоцирует немедленное развязывание войны с Германией. Счастливое стечание обстоятельств (провальное наступление немцев на Западном фронте) помогло правительству Ленина избежать этого. Левые эсеры также надеялись на симпатии и поддержку «левых коммунистов». Вместе с этим ядром партии большевиков они намеревались возглавить революционную борьбу. Однако в условиях, когда власть большевиков в Советах висела на волоске, даже самые ярые «левые коммунисты» предпочли поддержать партийную дисциплину.

Хуже всего было то, что для левых эсеров маневр большевиков с фабрикацией решающего большинства на съезде явился таким шоком, а июльские события развивались так быстро, что запланированные ЦК мероприятия по подготовке партии в целом к радикальному изменению тактики даже не успели начаться. Бесконечно и наивно верившие в революционную спонтанность, левоэсеровские лидеры, в последний момент ухватившиеся за «вариант террора», не придали этой проблеме большого значения, оставив влиятельные местные организации, такие как петроградская и кронштадтская, неподготовленными к большевистской атаке. Сидя в кремлевской камере, Спириidonова признала эту роковую ошибку. В полном горечи письме Четвертому съезду партии левых эсеров, пытаясь помочь своим коллегам из ЦК защититься от безжалостного огня критики со стороны рядовых членов партии, она настаивала, что «акт над Мирба-

хом — детище всей партии, постановления ее 3-го съезда “О расторжении Брестского договора”, ее настроения... и ее интернационалистической и революционной сущности». В то же время, она признавала, что вина ЦК и, в том числе, ее собственная «в непредусмотрительности, отсутствии дальновидности, которая должна была предугадать возможные последствия акта и заранее нейтрализовать их». Техническая и психологическая неподготовленность партии оказалась гигантской. Самой большой ошибкой, переживала она, было то, «что с ним поторопились.... Я себя четвертовать [бы] дала сейчас за свою вину» (111).

Первое официальное сообщение Советского правительства об убийстве Мирбаха обвинило левых эсеров в том, что они дали немцам наилучший из возможных предлогов для нападения на Россию. Но с тем же успехом можно сказать, что левоэсеровский акт, каким бы понятным он ни выглядел на фоне сфальсифицированного состава Пятого съезда Советов и тревожных событий в его начале, дал Ленину лучший повод, чем он когда-либо мог рассчитывать, для устранения левых эсеров как серьезного политического соперника. Он не только в полной мере воспользовался предоставленной возможностью в Москве, но и убедил партийных лидеров в главных политических центрах, таких как Петроград, где партнерство большевиков и левых эсеров продолжало развиваться, совершив превентивные удары по левым эсерам и навсегда нейтрализовать их как значительную политическую силу. Несмотря на стремительный рост влияния в деревне до убийства Мирбаха, левые эсеры так никогда и не оправились от удара, который им нанесли большевики после него.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Статистические данные, по которым можно судить о росте поддержки левых эсеров в губернских Советах весной 1918 г., см. Осипова *Российское крестьянство в революции и гражданской войне*. С 144–145

2 См. выше, глава 10

3 РГАСПИ Ф 564 Оп 1. Д 11. Л.3–21 К сожалению, невозможно провести такую же реконструкцию большевистской точки зрения. протоколы заседаний ЦК большевиков за период 19 мая — 26 сентября 1918 г. не опубликованы и не доступны для изучения в российских архивах

4 Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Стенографический отчет — М, 1918 С 51–52.

5 Доклад о деятельности Крестьянского отдела Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов — М, 1918 С 10

6. ЦА ФСБ РФ № Н-685 Т 10 Л 230–230 об

7 РГАСПИ Ф 564 Оп 1 Д 1 Л 33–39 Не помогли даже личные обращения Спиридовской к Ленину — См, напр., РГАСПИ Ф 5 Оп 1 Д 1381 Л 1–1об

8 РГАСПИ Ф 564 Оп 1 Д 1 Л 31–32 См также Знамя борьбы 1918 21 апреля С 2

9 ГАРФ Ф 1235 Оп 92 Д 2 Л 309

10 См, напр., документы состоявшегося в мае совещания представителей отделов земельной реформы Советов Воронежской губернии — ЦА ФСБ РФ № Н-685 Т 10 Л 175–184

11 См ЦА ФСБ РФ № Н-685. Т 10

12 РГАСПИ Ф 274 Оп 1 Д 30 Л 60

13 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 4 Д 814 Л 174, Ф 1 Оп 2 Д 4 Л 62

14 См ниже, глава 12

15 РГАСПИ Ф 19 Оп 1 Д 174 Л 23

16 Восьмой съезд Российской Коммунистической партии (большевиков) Стенографический отчет — М, 1919 С 20.

17 РГАСПИ Ф 564 Оп.1 Д 11 Л 11–12об.

18 Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва С 398

19 *Ленин В И* Полн собр соч Т 36 С 482–483

20 Согласно этим нормам, каждый сельский район (уезд), независимо от размера, мог послать на съезд двух представителей, в то время как рабочие посылали одного представителя от 25 тысяч человек. В итоге, голос одного рабочего приравнивался к шести голосам крестьян в уезде с населением, к примеру, в 300 тысяч жителей — Знамя труда 1918 6 июля С 1

21 Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва С 419–439

22 Пятый Всероссийский съезд Советов С 5

23 РГАСПИ Ф 564 Оп 1 Д 19 Л 1–1об («Доклад [черновик] неизвестной о IV съезде партии левых эсеров и период деятельности партии между III и IV съездами»)

24 Там же

25 Новости дня 1918 3 июля С 3. Наше слово. 1918 3 июля С 2, Жизнь 1918 2 июля С 2 и 3 июля С 1

26 Согласно листовкам, отпечатанным Московским областным комитетом партии левых эсеров приблизительно 8 июля 1918 г., число 399 спорных делегатов фигурировало в докладе левоэсеровских членов мандатной комиссии съезда — ЦА ФСБ РФ № Н-8 Т 12 Л 331а; РГАСПИ Ф 564 Оп 1 Д 18 Л 31 Ценное свидетельство казанского левоэсеровского делегата съезда Дмитрия Шляпникова, опубликованное в Казани в середине июля 1918 г., оценивало количество опротестованных большевистских делегатов как «около 300». Шляпников писал, что дополнительные 90 законно избранных левоэсеровских делегатов были несправедливо лишены права голоса — См. отчет Шляпникова в казанской газете «За землю и волю» 16–18 июля 1918 г., перепечатано в сборнике Левые эсеры и ВЧК С 211–213. Если официальные цифры Свердлова пересмотреть в соответствии с данными Шляпникова о числе оспоренных большевистских мандатов и количестве неправомерно лишенных голоса левых эсеров, получится, что полноправных большевистских делегатов на съезде было 378, левых эсеров — 379, эсеров-максималистов — 30, что обеспечивало блоку левых эсеров и эсеров-максималистов преимущество в 30 голосов

27 Пятый Всероссийский съезд Советов С 18

28 ГАРФ Ф.393 Оп 3 Д 210 Л 51, 55–58 Эти документы свидетельствуют, что 21 июня на пленарном заседании Могилевского губернского исполнкома, обсуждавшем призыв прислать делегатов на съезд, председатель — левый эсер — предложил послать одного большевика и одного левого эсера Ему возразил большевик Вайнштейн, призвавший исполнком ограничиться одним большевиком, так как левые эсеры «явные противники Советской власти» Однако исполнком 13 голосами против 12 вынес решение о посылке двух делегатов, по одному от обеих партий Позже, 1 июля, большевистская фракция исполнкома получила телеграмму из Москвы, от своего делегата, уже находившегося там, с просьбой прислать еще пять делегатов от губернского исполнкома и по два делегата от каждого уезда Не поставив в известность об этой просьбе левых эсеров в исполнкоме, большевистская фракция спешно избрала пять дополнительных делегатов — исключительно большевиков — и отправила их первым поездом в Москву Когда левые эсеры попытались опровергнуть эти действия большевиков в исполнкоме, то получили отпор мол, «идет борьба за существование Советской власти», и «совесть и долг» социалистов заставили большевиков пойти на этот шаг Последовала остшая перебранка, после чего большевики просто покинули зал заседаний, а левые эсеры направили протест в Москву Пять дополнительных могилевских делегатов были среди тех делегатов-большевиков, чьи мандаты безуспешно пытались оспорить левые эсеры в мандатной комиссии На пример могилевского дела ссыпался на съезд Карслин, чтобы показать, каким образом было достигнуто огромное большевистское большинство — См Пятый Всероссийский съезд Советов С 16–17

29 Пятый Всероссийский съезд Советов С 4–102

30 Там же С 22–23

31 Там же С 30

32 Там же С 63

33 Там же С 69

34 Партия левых социалистов-революционеров С 676, 845, прим 555, Каховская И К Дело Эйхгорна и Деникина (Из воспоминаний) //Пути революции — Берлин, 1923 С 192–193, Овруцкий Л М, Разгон А И Понять дух 6 июля //Отечественная история 1992 № 3 С 54, Смолянский Г Обреченные. — М, 1927 С 11–17, Мстиславский С.Д Воспоминания С.Д. Мстиславского //Левые эсеры и ВЧК С 181

35 Текст резолюции см Красная книга ВЧК Под ред П. Макинциана и М. Лациса 2-е изд. — М, 1989 Т 1 С 185–186

36 Третий Всероссийский съезд партии левых эсеров проходил с 28 июня по 1 июля — См РГАСПИ Ф 564. Оп 1. Д 4

37 См об этом Воспоминания Милославского //Левые эсеры и ВЧК С.164–168

38 Восстание в Ярославле было делом рук Бориса Савинкова и его «Союза защиты родины и свободы», оно не было связано с акцией левых эсеров в Москве

39 Декреты Советской власти Т 3 С 529–530, ЦА ФСБ РФ Ф 1. Т 1 Оп 2. Д 215 Л.30

40 Красная книга ВЧК. Т 1 С 257

41 Там же С 258–259 Версию Прошьяна по поводу этих событий, высказанную им спустя несколько часов после произшедшего, см ЦГАЛИ СПб Ф 63 Оп.1 Д 4 Л.155

42 Бонч-Бруевич В.Д Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (по личным воспоминаниям) — М, 1927. С 27

43 РГАСПИ. Ф 326. Оп 2. Д 10. Л 232

44 Любопытный взгляд на роль Вацетиса в этом деле см. G Swain Vacietis The Enigma of the Red Army's First Commander //Revolutionary Russia June, 2003 P 68–86

45 ЦА ФСБ РФ Ф 1 Оп 2 Д 2 Л 6–7 См также воспоминания С Д Мстиславского и рассказ об июльских событиях в Москве казанского левого эсера Д Шляпникова, опубликованный без названия в казанской газете «За землю и волю» Левые эсеры и ВЧК С 163–233

46 Декреты Советской власти Т 2 С 530–531

47 ГАРФ Ф 130 Оп 2 Д 1098 Л 2

48 Импульсивный и вспыльчивый, Прошьян, сопровождаемый 10 матросами, захватил телеграф в полночь 6 июля. Якобы заявив «Мы убили Мирбаха, Совет Народных Комиссаров арестован», — он, видимо, приказал отправить телеграмму с указанием телеграфистам по всей стране задерживать все «депеши за подписью Ленина, Троцкого и Свердлова, а равно и депеши направляемые контрреволюционными партиями» меньшевиков и правых эсеров, признавая их «вредными для Советской власти вообще и правящей в настоящее время партии левых эсеров в частности [курсив мой — А Р]» — ЦА ФСБ РФ № Н-8 Т 1а Л 58

49 Красная книга ВЧК Т 1 С 247 В своем «Завещании», написанном в 1937 г., Спирионова заявила о более чем 200 казненных, что, по-видимому, завышено (ЦА ФСБ РФ № Н-13266 Т 3 Л.74) «Официально» же число — 13 левых эсеров — расстрелянных ВЧК без суда в ночь с 7 на 8 июля, явно занижено (Красная книга ВЧК. Т 1 С 242)

50 ЦА ФСБ РФ № Н-685 Т 6 Л 46об — 47

51 Пятый Всероссийский съезд Советов С 208–209

52 ГАРФ Ф 393 Оп 2 Д 3 Л 46

53 Пятый Всероссийский съезд Советов С 184–185

54 См Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Стенографический отчет — М, 1919

55 См. в этой связи, гневный протест против формы и существа конституции в том виде, в каком она существовала на 4 июля, пяти видных членов комиссии по разработке конституции — ГАРФ Ф.1235 Оп 140 Д 4 Л.1–3

56 Пятый Всероссийский съезд Советов С 183–184, 200–201, Декреты Советской власти Т 2 С 550–564

57 Советско-германские отношения От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т 1 — М, 1968 С 585

58 Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета С 55–56

59 Так, например, когда это распоряжение было зачитано на экстренном заседании исполкома Выборгского районного Совета днем 7 июля, он немедленно сформировал свою тройку — ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 260 Л 3

60 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 3 Д 820 Л 118

61 Там же Оп 4 Д 814 Л 193–196, 153–163

62 Там же Ф 165 Оп 1 Д 3 Л 9об, 23об, 24, Ф.10 Оп 1 Д 12 Л 27об, Ф 4 Оп.1 Д 1 Л 20об

63 Вечерние огни 1918 11 июля С 2

64 Наш век 1918 9 июля С 3, Вечерние огни 1918 8 июля С 2, Новый вечерний час 1918 8 июля С 1 Через день или два члены фракции были отпущены

65 Вечерние огни. 1918 8 июля С 2

66 Там же

67 Там же

68 Миничев А В дни левоэсеровского мятежа в Петрограде в 1918 г (Из воспоминаний) //Красная летопись 1928 № 1 (25) С 68

69 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 4 Д 814 Л 153–156 Протоколы заседаний районных Советов Петрограда тоже подтверждают факт, что события 6–7 июля в Москве явились

полной неожиданностью для петроградских левых эсеров на районном уровне См , напр , выступления левых эсеров на экстренном заседании исполкома Выборгского районного Совета 7 июля (ЦГА СПб Ф 9618 Оп 1 Д 260 Л 4) и речь докладчика от левых эсеров на заседании Первого городского районного Совета 18 июля (Вестник Совета 1-го городского района 1918 24 июля С 4)

70. ЦГАИПД Ф 4000 Оп 4 Д 814 Л 156

71 См выше, глава 7

72. Об этом свидетельствуют показания солдат дружины и красноармейских офицеров Так, один офицер из Второго петроградского сводного отряда, принимавший участие в захвате Пажеского корпуса, позже показал, что накануне, во время беспорядков, вызванных предстоящей реорганизацией подразделения, какие-то левые эсеры уговорили 38 солдат вступить в левоэсеровскую дружину, поскольку им будут платить 300, а не 250 рублей в месяц, у них будет хорошие довольства, скатерти и посуда, и их комнаты будут убирать уборщицы (ЦА ФСБ РФ № Н-8 Т 1 Л 11) В своих показаниях солдаты часто подчеркивали, что в их решении перейти в левоэсеровские войска политика не играла роли, так как и Красная армия, и левоэсеровские дружины защищали Советскую власть, и в любом случае их все равно послали бы на фронт См , напр , независимые показания семи новобранцев дружины в ЦА ФСБ РФ № Н-8 Т 1 Л 1-14

73 Там же Л 1-28.

74. Моя реконструкция событий, связанных с штурмом Пажеского корпуса, построена на документах из архива ФСБ и на репортажах в газетах Новая жизнь (Петроград) 1918 9 июля С 3; Новый всенародный час 1918 8 июля С 1, Вечерние огни 1918. 8 июля С 2; Наш век 1918. 9 июля. С.3.

75 ЦГА СПб Ф 143 Оп 1 Д 31 Л 255

76 TNA. PRO, ADM 137/1731, unnumbered, Benckendorff to Lockhart, Lilly Library, Lockhart, R. mss , box 2, folder 8

77 ЦА ФСБ РФ № Н-8 Т 1 Л 1-35

78 Там же. Л.8

79. Общие черты этого мифа проявились уже в репортаже о событиях предыдущих дней, опубликованном 8 июля на первой странице экстренного выпуска «Красной газеты». Согласно этому репортажу, две сотни левых эсеров, вооруженные до зубов пулеметами, пушками, ручными гранатами и прочим оружием, получив инструкции от своего мятежного ЦК в Москве, захватили [курсив мой — А Р] здание бывшего Пажеского корпуса. Восстанию-революционному комитету, в задачу которого входило подавлять любое контрреволюционное выступление, не осталось ничего другого, как окружить и разоружить левых эсеров. Прибывшие в Пажеский корпус красноармейцы были встречены мощным пулеметным и артиллерийским огнем мятежников. После чего здание пришлось подвергнуть ответному огню, и вскоре его защитники выбросили белый флаг — Красная газета (экстренный выпуск) 1918 8 июля. С 1.

80 См выше

81 Северная коммуна 1918. 17 июля. С 3.

82 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 4 Д 814 Л 181, 202

83 См Знамя борьбы. 1918. 16 мая. С 3

84 Знамя труда 1918 6 июля С 4

85 ЦГАИПД Ф 16 Оп 1 Д 289 Л 13

86 РГА ВМФ Ф 6-61 Оп 1 Д 136 Л 3

87 ЦГАИПД Ф 15 Оп 1. Д 1 Л 6-60б

88 Новая жизнь 1918 11 июля С 3

89 ЦГАИПД Ф 4000 Оп 4 Д 814 Л 153-158

90 ЦГАИПД Ф 1 Оп 1 Д 64 Л 28–29

91 Сюда входили, в порядке вероятной даты публикации листовки, изданные Крестьянским отделом ВЦИКа (ЦА ФСБ РФ № Н-685 Т 9 Л 45), левоэсеровской фракцией Пятого съезда Советов — после освобождения из заключения (ГОПБ Фонд листовок), левоэсеровской фракцией ВЦИК 4-го созыва (ГОПБ Фонд листовок), левыми эсерами и эсерами-максималистами — членами Крестьянского отдела ВЦИКа (отпечатанные на пишущей машинке и размноженные на мимсографе — ЦА ФСБ РФ № Н-685 Т 10 Л 272–272об) и Московским областным комитетом партии левых эсеров (ГОПБ Фонд листовок).

92 Гоголевский Петроградский Совет в годы гражданской войны С 170

93 Наш век 1918 11 июля

94 Северная коммуна 1918 17 июля С 3.

95 Напр., см. стенограммы заседаний Петросовета от 30 июля и 7 августа, где обсуждался вопрос о мобилизации на чехословацкий фронт, и от 15 августа, где обсуждались рабочие беспорядки на Путиловском заводе — ЦГА СПб Ф 1000 Оп 2 Д 3 Л 16–26, Д 5 Л 20–25, Оп 53 Д 1 Л 1–50

96 ЦГА СПб Ф 101 Оп 1. Д 38 Л.38об-39

97 Новая жизнь 1918 13 июля С 3

98 ЦГА СПб Ф 101. Оп 1. Д 39 Л 117

99 Там же Ф.148 Оп 1 Д 43. Л 66–71, Ф 9618 Оп.1 Д 260 Л 6–10, Д 229 Л 61, 63

100 ЦГАИПД Ф 4 Оп 1 Д 1 Л 17об, 19об-20об

101 ЦГА СПб Ф 47 Оп 1. Д 26 Л 60об.

102 Черноморский флот был затоплен в июне 1918 г., за несколько дней до казни Щастного, по распоряжению Советского правительства, чтобы предотвратить его захват германскими войсками

103 Там же Ф.3. Оп.1 Д 1 Л 73–89об

104 ЦГАИПД Ф 165 Оп 1 Д 3 Л 9, 16, 23об

105 ЦГА СПб Ф 3 Оп 1 Д 1 Л 90

106 ЦГАИПД Ф 165 Оп 1 Д 3 Л 16

107 Вестник Совета 1-го городского района 1918 24 июля С 4

108 ЦГАИПД Ф 1817 Оп 1 Д 32 Л 15

109 Там же Ф 2 Оп 1 Д 4 Л 9об

110 Вестник Совета 1-го городского района 1918 24 июля № 20–21 С 6

111 ЦА ФСБ РФ № Н-685 Т 6 Л 35об